

*Давай с тобою поменяемся судьбою.
Махнем, не глядя, как на фронте говорят.*

М. Матусовский

Поэт-песенник Михаил Матусовский — один из самых знаменитых уроженцев Луганска. В свое время известный едва ли не каждому взрослому человеку в СССР и всему культурному миру, он в наше время утратил «громкую» славу, перейдя в разряд просто почитаемых классиков. Но именно теперь стоит более пристально присмотреться к его поэтическому миру, чтобы за привычным очарованием известных песен рассмотреть нечто не менее важное — ту особую поэтику, которая умела простыми и общедоступными средствами точно передавать самые глубокие движения человеческой души. Собственно, именно то, чего так не хватает — за крайне редкими исключениями — всей современной поэзии, герметически замкнувшейся в рамках ревностно конкурирующих между собой стилистических направлений и почти забывшей о массовом читателе.

Как удавалось Матусовскому соединять почти несоединимое — простоту с глубиной и утонченность с общепонятностью? Ведь как бы ни относиться к его песням — можно быть и вполне равнодушным к ним — этого качества у них нельзя отнять. И именно этому у него всегда можно и нужно будет учиться стихотворцам

во все времена — точнее, тем из них, для кого поэзия не «самовыражение», а нравственное служение своему народу. Подобные авторы будут всегда, и потому Михаил Матусовский столь актуален в качестве образца «общенародного» поэта. Не будучи этническим русским и не имея почвенно-крестьянского происхождения, он, тем не менее, сумел выразить нечто такое, что в прежнюю эпоху объединяло всех, стал поэтом той России, которая тогда была. Что само по себе — настоящий подвиг.

Пространство поэтического мира М. Матусовского — это пространство пересечения судеб, замысловатая «сеть» встреч и расставаний, внутри которой создается очень плотное смысловое поле воспоминаний, пожеланий и благодарностей. Это и плотное, и вместе с тем предельно прозрачное пространство легкой, но вместе с тем и крепкой, насмерть спаянной общей народной Судьбы, выкованной в суровых и радостных испытаниях.

Неизменный стиль его поэзии, благодаря которому она органично стала поэзией песенной, — стиль дружеского письма и лирического воспоминания как разговора с близким сердцу человеком. Автор сознательно старается избегать любых сложных метафор и иных художественных изысков, которые так любит поэзия XX века. Он с самого начала творческого пути словно исполнял признание-завет Бориса Пастернака: «впасть, как в ересь, в неслыханную простоту». И радостная, хотя и суровая простота стиха Матусовского оказалась вмещилищем подлинной поэтической глубины, созвучной переживаниям и целостному мироощущению всего народа.

Уже традиционно литературоведы определяют его стиль как «поэтику безыскусности». Это определение можно считать достаточно удачным, но с тем условием, что «безыскусность» не будет пониматься как синоним упрощенности и «отсталости». На самом деле, за внешней простотой стоит очень глубокое мироощущение, порождающее незаменимый для нас художественный опыт. В чем тайна этого мироощущения?

Чтобы ответить, следует, в первую очередь, проанализировать главный, «сквозной» сюжет поэзии Матусовского — *сюжет встречи и расставания*.

Вот одно из самых ранних и вместе с тем уже зрелых по мастерству песен-стихотворений «Сиреневый туман» (1936):

Сиреневый туман над нами проплывает,
Над тамбуром горит полночная звезда.
Кондуктор не спешит, кондуктор понимает,
Что с девушкой я прощаюсь навсегда.

Здесь разлука объединяет в себе неизвестность и надежду. Лирический герой не знает точно, уезжает ли он навсегда или нет:

Уеду я на год, а может быть, на два.
А может навсегда ты друга потеряешь!

Тем самым, «событие разлуки» заставляет нас пережить самую суть человеческой судьбы — единство надежды, неизвестности, тоски и чувства непередаваемой душевной близости. Как в капле воды тут отражается и концентрируется весь спектр человеческих взаимоотношений. Расставание и встреча во всей глубине выявляют глубину неизбывной человеческой свободы, которая коренится в глубине сердца и никак не зависит ни от каких внешних обстоятельств времени и места.

Примечательно, что песня «Сиреневый туман» ныне считается классикой «русского шансона» и была спета уже многими исполнителями, хотя широкой публике не известно, кто является автором слов. Переход песен Матусовского в статус

народных начался именно с этого раннего произведения, вошедшего еще в довоенный сборник «Луганчане». Ныне по стилю она воспринимается как пришедшая из 1960-х. В ней очень ярко выразилась сама суть будущего жанра «шансон»: очень напряженное переживание расставаний, встреч, надежд и ожиданий, которыми наполнена жизнь человеческой души.

Если расставание измеряет глубину чувств и надежд, то встреча — открытие нового мира и преображение самого человека. Так, например, в стихотворении «Что так сердце расстроено?» встреча знаменует внезапное, почти чудесное преображение всего мира в восприятии героя:

Даже солнце светит по-особому
С той минуты, как увидел я тебя.

Соответственно, преображается и сам герой, вдруг чувствуя в себе огромные, неизвестные ранее ему силы:

Все преграды я могу пройти без робости,
В спор вступлю с невзгодой любой.
Укажи мне только лишь на глобусе
Место скорого свидания с тобой.

Встреча может быть не только с человеком, но и с любым важным объектом этого мира. В стихотворении «Школьный вальс» (1951) она переживается как особый жизненный ритуал, в котором участвуют и люди, и окружающая природа, и музыка:

Давно, друзья веселые,
Простились мы со школою,
Но каждый год мы в свой приходим класс.
В саду березки с кленами
Встречают нас поклонами,
И школьный вальс опять звучит для нас.

Вот встреча с родиной в песне «Вернулся я на родину» (1948):

Вернулся я на родину, и у пруда под ивою
Ты ждешь, как в годы давние, прихода моего.

Отчий край ждет лирического героя под ивою, то есть в некотором не абстрактном, а особо сердечном месте.

В песне «Черное море мое» (1958) переживается встреча со стихией, к которой герой даже просит не ревновать свою любимую:

Стонет волна штормовая,
В дальние дали маня.
Так не ревнуй, дорогая,
К Черному морю меня!

В известной песне на слова Михаила Матусовского «Московские окна» (1959) символика встречи передана через образы окон: «Они, как люди, смотрят на меня». Окна становятся символом полноты переплетения человеческих судеб, столь близких и родных для героя: «Я желаю, окна, счастья вам».

В песне «Прощайте, голуби!» (1960) символом расставания оказываются голуби:

И пора настает —
Мы сегодня своих голубей
Провожаем в прощальный полет.
Пусть летят они, летят,
Им уже не вернуться назад.

Но все-таки первичной в мире Матусовского является встреча, в чем выразилось его оптимистическое мировосприятие, не боящееся жизненных невзгод. В стихотворении «Не забывай» (1954) встреча понимается как основа существования: она случилась в прошлом, но от нее нельзя отрываться, чтобы не потерять все лучшее в себе:

Не забывай родные дали,
Родных небес простор и высь.
Не забывай, о чем мечтали
И в чем с тобой мы поклялись.

Но бывают и неудавшиеся встречи. В грустном и простодушном стихотворении «Поручение» (1954) стеснительный парень просит своего товарища передать девушке признание в любви — в результате она уходит к другу.

И как я додумался, братцы,
И сам до сих пор не пойму:
В любви перед нею признаться
Доверил дружку своему.

Здесь сказано о незаменимости встречи, о том, что неспособность к встрече приводит к расставанию.

Но есть расставания и особо трагические, как, например, в песне «Памяти неизвестного санитара» (1957):

Но страшный взрыв всю землю вдруг потряс.
Недолгий век был парнем этим прожит.
И тот рубеж, что разделяет нас,
Он никогда переползти не сможет...

И уже через много лет:

Оставшись сам с собой наедине,
Я часто вижу взгляд его под каской.
И он опять, за пядью пядь, ко мне
Ползет, ползет, ползет по глине вязкой.
И кажется, как будто наяву,
На жизнь мою он смотрит без улыбки,
И проверяет, так ли я живу,
И отмечает все мои ошибки...

Такое расставание как гибель и потеря неожиданно становится вечной встречей — соприсутствием. И это соприсутствие парадоксальным образом происходит после ухода другого человека: их встреча фактически уже произошла прежде, и теперь лирический герой должен жить как бы «за двоих» и нести неизбывную ответственность за каждый свой день перед тем человеком, благодаря которому он сейчас дышит. О том же говорится и в знаменитой песне «На безымянной высоте» (1963), расставание навсегда преображается в вечную встречу во снах:

Мне часто снятся все ребята —
Друзья моих военных дней...
Как будто вновь я вместе с ними
Стою на огненной черте...

Однако человек войны, солдат способен к особому мужественному отношению к расставанию, которое выражено в песне «Солдат — всегда солдат» (1959):

Солдат, легко собравшись в путь,
Без лишних слез прощается,
И все имущество его
В один мешок вмещается.

Нужно отметить, что война для Михаила Матусовского стала главным опытом понимания глубинной сущности людей, которая раскрывается только в экстремальных обстоятельствах. И раскрывается через *встречу*. В стихотворении 1975 года он напишет:

В сырых землянках, в сумраке траншей —
Нигде я не встречал плохих людей.

С другой стороны, в событии встречи человек познает и свою собственную невысказанную глубину — даже и в самых простых, обыденных обстоятельствах. В частности, именно об этом известные строки из песни «Подмосковные вечера» (1957):

Что ж ты, милая, смотришь искоса,
Низко голову наклоня?
Трудно высказать и не высказать
Все, что на сердце у меня.

Трудно высказать, но невозможно и не высказать — вот состояние, которое человек переживает в подлинной встрече, заглядывая в собственную непонятную сердечную глубину. А взгляд «искоса, низко голову наклоня» — над этими словами так глупо потешался известный сатирик М. Задорнов — на самом деле это взгляд украдкой прямо в душу, который как будто говорит: «Трудно спросить и не спросить трудно...»

Расставание не менее глубоко по смыслу. В песне «Это было недавно» (1965) пронзительно обозначена временная дистанция, на которую отодвинуто расставание. Оно становится постоянным спутником, частью души героя:

Будто вновь мы с тобою
В полутемном кино.
Это было недавно,
Это было давно.

Уходящая в прошлое встреча в душе становится все ближе — все *недавнее*, хотя по внешнему исчислению — она все дальше отходит в минувшее.

Расставание может быть и с дорогим человеком из прошлого, с которым герой лично не был знаком. В стихотворении «Старый пистолет» (1969) Матусовский написал:

Ведь наша боль по-прежнему остра,
Зажить рубцы раненья не успели.
Что делать, если только лишь вчера
Для нас убит был Пушкин на дуэли?!

Расставание с убитым Пушкиным одновременно становится душевной встречей с ним, счастьем со-присутствия в его судьбе, переживанием «обмена судеб».

Встреча — это всегда усилие, прежде всего — над самим собой, усилие открытой души, усилие надежды. В знаменитой песне «Вологда» встреча переживается как единство ожидания, упорства и надежды:

Шлю я,
Шлю я ей за пакетом пакет,
Только,
Только нет мне ни слова в ответ.
Значит,
Значит, надо иметь ей в виду:
Сам я
За ответом приду.

Но если встреча не получилась, «разминулась судьба», как говорит Матусовский, к этому следует относиться спокойно:

Была судьба, да разминулась,
Чтоб вновь не встретиться со мной.

В одном из поздних стихотворений 1980 года он написал, раскрывая сокровенную глубину своего мировоззрения:

Все на земле находится в родстве,
Нас всех как бы связует цепь большая.

Эта большая цепь всех людей и всего мироздания оказывается смысловой основой встреч и расставаний как главных «узлов» человеческой жизни. Таково главное содержание поэзии Михаила Матусовского, для которого наиболее адекватной стала «поэтика безыскусности», органически вылившаяся в песенное слово.

В работе выдающегося русского литературоведа В.В. Кожина (1930–2001) «Русская поэзия середины XX века как откровение о «конце нового времени» показан переход к *новому образу человека* в самобытной русской поэзии двадцатого столетия, и в качестве «знаковых» имен выделены Твардовский и Заболоцкий. По мнению Кожина, «если Твардовский с полемической резкостью объявлял обыкновенное высшей эстетической ценностью, Заболоцкий более мягко внушает, что обыкновенное (обыденное), любая «единица» общества на самом-то деле необыкновенны и исполнены тайны, но люди не умеют и даже вроде бы не хотят это увидеть. И потому одно из ключевых ценностных слов в поэзии Заболоцкого — «неприметный».

Новый образ человека и есть самое ценное, что рождалось в муках истории XX века. «Но, — рассуждает автор, — как же все-таки быть с тем насильственным, даже убийственным тоталитаризмом, в условиях которого обрели себя Заболоцкий и Твардовский?.. При взгляде из наступившего времени тоталитаризм предстает как предельное испытание человека, которое он выдержал, — что наглядно явлено, «доказано» в поэзии Заболоцкого и Твардовского».

Саморазоблачение индивидуализма Нового времени в тоталитаризме минувших десятилетий, здесь, в новой русской поэзии, вернувшейся к глубине традиции, завершилось новым опытом *духовного преображения* человека и открытием ценности обыкновенного, «неприметного». Сказанное о двух выдающихся русских поэтах в полной мере относится и к Михаилу Матусовскому.

В некрологе М. Матусовскому в газете «Известия» главная ценность творческого мира поэта-песенника была точно определена как «светлое романтическое мироощущение, неподдельный лиризм». И оба эти качества являются выдающимся достижением, настоящим *творческим подвигом* в условиях трагического двадцатого столетия. Тем более, они ценны во второй половине века, когда «постмодерн» разрушал самые основания художественного видения, предлагая взамен бессмысленное нагромождение деструктивного «бессознательного». В этих условиях «поэтика безыскусности» отражала «космическое» созерцание человеческой судьбы и законов земной жизни.

Таков творческий завет Михаила Матусовского будущим поколениям.

